

Хочу чужого ребенка

«Брать в свои семьи чужих детей в России не принято. У нас менталитет не тот. Наши сироты нужны только иностранцам» — подобные утверждения, выведенные в студиях телевизионных ток-шоу, прочно засели в сознании россиян.

Между тем в стране появилось уже с десяток регионов, которые этот стереотип успешно опровергают. Их опыт доказывает: если создать нашим людям условия — причем не столько финансовые, сколько чисто организационные, — то детские дома и интернаты можно закрывать пачками.

— Летел однажды по небу аист, нес в клювике ребеночка, но потерял записку с адресом и принес малыша другой маме. Когда она поняла, что произошла ошибка, то принесла его в специальный дом для потерявшихся детей. А в это время мы с папой уже тебя искали.

— А как вы узнали, что это я?

— Ты нам во сне приснился. Мы вместе увидели один и тот же сон. Проснулись — и тут же пошли тебя искать. И вот нашли.

Это очередной урок в краснодарской школе приемных родителей. Потенциальные мамы-папы отрабатывают возможные варианты объяснения их будущему приемному ребенку своих с ним отношений. В зале около пятнадцати человек, из них трое мужчин.

— Главный принцип: ребенку надо говорить правду, и только правду. Но не всю, — объясняет преподаватель-психолог Ольга Ковельская. — До трех лет малышу все равно, как он появился на свет, главное — что его любят. Потом он начнет задавать вопросы. И на каждом возрастном этапе он будет к этим вопросам возвращаться. И каждый раз ему надо давать очередную порцию правды — но так, чтобы не травмировать его психику.

— Так ведь тайна усыновления охраняется законом, — звучит из зала.

— Да, это так, — откликается Ковельская. — Но практика показывает, что в 70% случаев усыновленные и удочеренные дети все равно узнают о своем происхождении. Иногда от посторонних людей, а иногда и от собственных родителей. Например, во время семейной ссоры. Кроме того, усыновление — это самая серьезная форма принятия ребенка в семью. Она предусматривает наделение его всеми правами родного. Думаю, что большинство из вас предпочтут сначала взять ребенка на правах приемной или патронатной семьи, а уж потом, если все сложится благополучно, оформить усыновление. В любом случае вам нужно быть готовыми к тому, что в какой-то момент вам придется объяснить своему ребенку, кто он и откуда.

— Чего вы людей сбиваете? — интересуюсь у присутствующей здесь же начальницы краевого департамента семейной политики Татьяны Ковалевой. — Надо пользоваться моментом, пока они готовы взять ребенка в свою семью насовсем. Вдруг потом передумают?

— И слава богу, если передумают, — огорошивает меня Ковалева. — Значит, наши усилия были не напрасны.

— В смысле?

— Мы уже давно не гонимся за количеством. У нас желающих взять ребенка в семью — хоть отбавляй. Теперь наша задача — свести к минимуму процент возвратов, потому что для ребенка каждый неудачный приход в чужую семью трагедия. За те два года, что в крае работает сеть школ для приемных родителей, число возвратов сократилось более чем в четыре раза. И если какие-то кандидаты в родители отсеялись еще на стадии обучения, значит, одной трагедией будет меньше.

— Вы уверены, что хотите взять в семью именно новорожденного ребенка? — пытается психолог Ольга Ковельская женщину лет 50, которую специально попросила зайти к ней в кабинет после общих занятий.

— Да, уверена. Ведь чем меньше ему лет, тем сильнее он ко мне привяжется.

— Давайте проведем эксперимент, — говорит Ковельская. — Возьмите дома пакет, нагрузите его мокрым бельем, заверните в полотенце и каждую ночь по 3 раза вставайте по будильнику и не меньше 20 минут ходите по комнате с этим свертком на руках, пытайтесь его «убаюкать». Следующее занятие у нас через неделю. Приходите, и мы продолжим наш разговор.

Женщина позвонила уже на следующий день и призналась, что, пожалуй, переоценила свои силы. Еще через день она снова позвонила и сказала, что все-таки продолжит ходить в школу приемных родителей, но будет присматриваться к возрасту не младше 5 лет. Именно этого психолог Ковельская и добивалась.

Волк и Неизвестный

Еще полгода назад они были просто двумя воспитанниками в Новолеушковском коррекционном интернате. Теперь они братья. И Саша Волк, и Саша Неизвестный по отчеству Александровичи, поэтому люди посторонние теперь даже не верят, что когда-то они были друг другу чужими. Еще труднее поверить, что на фотографиях двух-трехлетней давности изображены именно эти дети: совсем другие глаза, другие лица.

— Кто из вас Волк? Наверное, ты? — обращаюсь я к тому, у которого лицо порешительней.

— Нет, я Гречинцев, — Волк называет фамилию своих новых родителей.

— Я тоже, — торопится уточнить Неизвестный.

Когда-то биологическая мама Волка пролила ему на голову кипяток. С тех пор у него на макушке плешь. Когда Волк стал Гречинцевым, его новая мама при каждом удобном случае целовала ребенка в макушку. Через пару месяцев плешь заросла сама собой.

Это лишь одна история обретения детдомовскими детьми новой семьи. Всего таких историй в станице Новолеушковской более двухсот. Недавно руководство местного интерната (теперь уже бывшего) выпустило целую книгу, каждая приемная семья в ней оформила по развороту: на каждом справа и слева по рисунку, на каждом рисунке изображен дом. Слева все домики за высоким забором, в окнах никого не видно, во дворе даже деревья не растут. Справа заборов нет, по двору ходят люди, стоят велосипеды, улыбаются собаки, в окнах видны столы, за ними сидят люди, на столах еда. Огромное количество деталей и стрелочек с поясняющими надписями. Если ребенок не смог нарисовать лебедя на чайной чашке, он просто написал: «Здесь нарисован лебедь. Внутри — чай с малиной». А если вместо старенького человечка получился молодой, то стрелочка указывает: «Это мой дедушка. Он пчеловод». «А это машина, — поясняет другой художник. — Называется “фирали”».

— Разница между этими тестами ровно один день, — улыбается бывший директор интерната Татьяна Курасова. — Первый рисунок дети рисовали накануне ухода в патронатную семью, второй — через сутки. Тема одна и та же: мой дом. Стандартный психологический тест.

Коллеги Курасовой говорят, что за последний год в глазах у нее появился какой-то шальной блеск. Еще бы, мир на этих глазах перевернулся на 180 градусов. Впрочем, у коллег Татьяны Ивановны с глазами точно такая же история. Еще позапрошлой осенью в Новолеушковском интернате содержалось 206 детей — все, как казалось, безнадежные, с серьезными отклонениями в развитии. А потом вдруг в считанные месяцы интернат стал центром краевой «эпидемии патроната»: всех детей разобрали местные жители, а учреждение пришлось репрофилировать в Центр сопровождения патронатных семей.

— Началось все, как это часто бывает, с экстремальной ситуации, — рассказывает Курасова. — Нам надоело топить здание углем, и мы обратились в краевую администрацию с просьбой его газифицировать. Просьбу удовлетворили, но пока то да се — деньги пришли только осенью. Чтобы проводить работы, надо куда-то девать детей. Ну, я тогда — так, в порыве отчаяния — и обратилась к педагогам и воспитателям с предложением: давайте до весны возьмем деток в свои семьи. Я была уверена, что никто не согласится. Но оказалось, я плохо знала свой коллектив.

Две с лишним сотни детей разобрали в считанные дни. Сначала брали только работники интерната, потом, глядя на них, подтянулись и станичники.

— Мы глазам своим не верили, — вспоминает психолог Наталья Новикова. — Даже когда все дети кончились, люди шли и шли. Но самое удивительное случилось спустя 4 месяца. Пришло время возвращать детей в

интернат, а вернули нам только 37 воспитанников. Остальных новые родители решили забрать насовсем.

— Вот тут-то вы, наверное, и замандражировали: сейчас интернат закроют, всех вас сократят...

— Если честно, было такое дело, — признается директор Татьяна Курасова. — Потом немного успокоились: все-таки оставшиеся 37 детей — самые трудные, их-то точно не возьмут. Но и тут мы ошиблись! Дети стали на глазах меняться, даже на физиологическом уровне. Они начали заниматься спортом. У них исчез энурез! Мы сначала понять не могли, что такое, оказалось — они просто стараются выглядеть лучше, чтобы их тоже взяли в семьи.

— Интернат разделился на «домашняков» и «интернатских», — подключается к разговору зам по воспитательной работе Ольга Сулим. — Мы каждый день стали с ужасом ждать 17 часов — именно в это время одних детей забирали домой их новые родители, а другие оставались. Естественно, слезы, истерики, обиды. Но прошло еще несколько месяцев, и разобрали всех. Даже с тяжелейшими психическими проблемами. Последним взяли Сережу Коржова — он вообще одной ногой в психиатрической больнице был, а теперь ребенок исправляется на глазах. Я раньше, когда по телевизору смотрела про американцев, которые берут в свои семьи безнадежных детей, все поражалась: «Какие мужественные люди!» А теперь — пожалуйста, у нас таких же мужественных полстаницы.

— Это притом что теперь у нас ситуация не экстремальная и мы еще не во всякую семью детей отдаем, — перебивает Татьяна Курасова. — Мы же теперь не интернат, а Центр сопровождения патронатных семей. Первый в крае. Штат пришлось на треть сократить, но работы убавилось ненамного. Я бы даже сказала, работать стало трудней, потому что приходится иметь дело не только с детьми, но и со взрослыми. Зато интересней. Короче, дети у нас давно все разобраны, и уже 51 семья в листе ожидания стоит. Готовы принять 98 детей. А пока вы до Москвы доедете, цифры еще вырастут, не сомневайтесь. Не знаем, что и делать. Будем сейчас разыскивать по другим детдомам братьев и сестер наших деток и переводить их сюда, воссоединять семьи.

— В тамошних интернатах, наверное, подумают, что вы тут все с ума посходили.

— Если интернат в другом регионе, то да, подумают, — смеется Курасова. — А у нас на Кубани никто уже ничему не удивляется. Просто у нас тут это дело сдетонировало, а взрывной волной теперь уже весь край всколыхнуло.

«Приемная мама должна быть вымороженной»

Татьяна Синюгина — женщина, у которой постоянно поддыхает телефон. Зарядки аккумулятора хватает не более чем на полдня. Хотя отдел, который Татьяна возглавляет в краевом департаменте образования, вроде бы один из тихих — защиты детства. Но с недавних пор работать ей приходится по 16 часов в сутки.

— Два с половиной года назад в Краснодарском крае условия содержания детей в замещающих семьях изменились кардинально, — раскрывает один из секретов Татьяна. — Ежемесячные выплаты на содержание ребенка и на оплату труда приемных и патронатных родителей увеличились на порядок и продолжают расти с каждым годом. Сейчас они уже составляют, в зависимости от возраста и состояния здоровья ребенка, от 10,5 до 13,5 тысяч рублей.

— А во сколько обходится сирота, если держать его в детском доме?

— В полтора-два раза дороже.

— А нет у вас ощущения, что во всей этой истории на первом месте стоят финансы, а не интересы детей? И у краевых властей, и у приемных родителей. Для одних это явно способ экономии бюджетных средств, а для других может стать банальным бизнесом.

— Лет 5–6 назад при таких пособиях приемных родителей можно было бы заподозрить в корысти. Но сейчас Кубань вышла на 3-е место в России по уровню жизни. Для любого более-менее путевого человека, даже в сельской местности, заработать 15–20, а то и 30 тысяч рублей в месяц не проблема. В таких условиях прельститься на эти пособия без любви к ребенку могут только маргиналы, но их мы к детям близко не подпустим. За эти два года мы успели создать очень жесткую и в то же время гибкую систему фильтрации кандидатов. Мы иногда даже людям с горячим сердцем вынуждены отказывать — не то что алкоголикам-тунеядцам.

— А чем вас горячее сердце не устраивает?

— Мы очень внимательно смотрим на мотивацию человека. Ведь большинство потенциальных родителей приходят на эмоциональном порыве, а это очень ненадежный фундамент для будущей замещающей семьи. Здесь сильно сказывается воздействие телевидения. Мне вот сериалы некогда смотреть, но я уже по количеству обращений могу точно сказать, что сейчас показывают. Вот недавно в отделения органов опеки снова пошла волна народу — не иначе, думаю, как снова какой-нибудь сердобольный фильм начали показывать. И точно — шел сериал «Громы».

— Вы хотите сказать, что розовые сопли на экране только вредят вашему делу?

— Нет, пускай сопли будут. Они делают свое благое дело — мобилизуют потенциальных кандидатов в родители. Но с этими «мобилизованными» еще работать и работать. Другая не вполне надежная мотивация — это когда родители, потеряв родного ребенка, хотят найти ему замену в лице приемного. Как правило, таким людям потом трудно смириться с тем, что этот ребенок — совсем другой человек, что он не обязан быть клоном их прежнего сына или дочери. Или вот еще распространенный случай — попытка при помощи приемного ребенка сохранить распадающуюся семью. Такие эксперименты тоже, как правило, заканчиваются плачевно. Мы весь подобный контингент для начала «вымораживаем».

— Это как?

— Мы с ними не спорим, а просто безжалостно рассказываем обо всех возможных трудностях и проблемах, проводим тренинги. Если не помогает — даем возможность взять ребенка на выходные. Как правило, люди случайные на этом этапе быстро отсеиваются. Но в последнее время случайных все меньше и меньше. В крае уже почти 22 тысячи детей живут в замещающих семьях, и эта цифра очень быстро растет. Явление становится все более заметным, о нем много говорят на местном ТВ и радио, о нем пишут, мы сами постоянно выпускаем рекламную продукцию, причем не просто с призывом брать детей, а с предупреждением о том, что дело это очень непростое. Опять же, «сарафанное радио» — оно работает не хуже телесериалов. Люди видят приемных детей у своих соседей, родственников, кумовьев, узнают от них во всех нюансах, и если после этого они приходят к нам, то уже подготовленными.

— Ваша цель вообще покончить с этим «позорным пережитком советской эпохи» или просто сократить его до минимума?

— А с чего вы взяли, что это пережиток советской эпохи? Знаете, сколько в нашем крае было детских домов до 1991 года? Четыре. А за последующие 15 лет их стало 40. Так что это наследие не советской, а постсоветской эпохи. Если тут и можно говорить о каком-то пережитке советских времен, то это не количество детских домов, а сама порочная система казенного детства. Мы привыкли думать, что детский дом — это судьба. На самом же деле подобные учреждения должны быть местом кратковременного пребывания ребенка — лишь до тех пор, пока ему не найдут новую семью. Детский дом — это бассейн: по одной трубе вода туда втекает, по другой вытекает. У нас всегда первая труба была не в меру широкая, а вторая слишком узкая. А должно быть наоборот. Мы сейчас как раз и занимаемся тем, что находим и обкатываем технологии по расширению этой самой второй трубы. Что-то подсматриваем в других регионах, что-то придумываем сами.

— Выходит, хороший педагог должен быть немного сантехником. Нравится вам такой афоризм? Записать?

— Можно. Знаете, пару месяцев назад у нас запустили акцию «Мир в конверте». Это для тех, кто еще не созрел, чтобы брать детей в семью, но готов, что называется, «вести ребенка». Переписка идет только на бумаге, потом она перерастает в личное общение и нередко заканчивается усыновлением. Или вот привлекаем студентов педвузов к работе в детдомах — очень успешный проект: уже есть примеры, когда, наслушавшись своих детей, родственники этих студентов берут сирот в семьи. А директор Березанской коррекционной школы-интерната уже успела развить эту идею. Она подняла церковно-приходские книги и разыскала крестных отцов и матерей своих воспитанников. Из 20 звонков в 12 случаях на том конце провода попросили больше не звонить, зато 8 крестных приехали и забрали деток к себе.

— Нет, вы не сантехники, вы охотники — ловушки расставляете.

— Я бы сказала так: любыми способами пытаемся стереть границу между детским домом и окружающим миром. Ведь на этот счет у людей в головах до сих пор масса мифов и стереотипов. Одни считают, что ребенок из интерната — это потенциальный преступник, алкоголик или проститутка. Другие, наоборот, видят в нем бедную сиротку и готовы зажалеть до смерти. А это обычные дети, в которых просто надо вложить немного больше тепла и заботы.

На какую из удачек попался сам губернатор Краснодарского края Александр Ткачев, неизвестно, но только недавно он, сам отец двух дочерей, тоже взял в свою семью девочку Настю из Медведовского детского дома. Мы хотели расспросить его об этом поподробнее, но получили отказ. В коридорах местной власти шушукуются, что, мол, после недавнего сюжета на эту тему по местному телевидению губернатор получил от жены такой нагоняй, что теперь на все просьбы журналистов только вздыхает и разводит руками.

Надыкта и Дубровский

Приемная мама Анна Малакеева из станицы Брюховецкой когда-то сама была воспитанницей Медведовского детдома. Больше половины ее одноклассников уже нет в живых, а кто еще на этом свете, тот не живет, а доживает. Нормальными людьми стали единицы.

— Сейчас этот детдом лучший в крае, — говорит Анна, — а в мои времена он был одним из худших. Но принципиальной разницы нет. Каким бы ни был детский дом, все равно ребенок выходит из него абсолютно не готовым к жизни. Госпитальный синдром.

Несколько месяцев назад Анна с мужем взяли в семью двоих детей — Валю Надыкту и Алексея Дубровского. В доме у Малакеевых дети впервые узнали, что такое поцелуй, увидели соль и сахар и научились ими пользоваться. В интернате еда всегда уже была соленой, а чай — сладким.

— Когда они первый раз увидели кефир из магазина, то очень удивились, — говорит Анна. — Валя, ты почему удивилась?

— Я думала, кефир в кастрюлях появляется, — бойко отвечает Валя. — А он, оказывается, бывает в бутылках и пакетах.

Дом у Малакеевых небольшой. Денег тоже не вагон — делая покупки, Анна собирает все чеки, чтобы вести приходно-расходную книгу: каждый рубль на счету. Анна по профессии парикмахер, но теперь бросила работу и полностью посвятила себя детям. Ее муж — предприниматель, но сейчас вынужден приостановить бизнес, потому что приемная дочь нечаянно порвала его паспорт — приходится восстанавливать.

— Валя в нашем учреждении была одним из самых трудных детей, — вспоминает Елена Туржан, бывший директор бывшего Брюховецкого дома-интерната. — У нее так называемый манежный синдром, то есть очень слабая развитость суставов. Это не врожденный порок, а следствие того, что в доме малютки ее не выпускали за пределы кровати. Когда она попала к нам, первые два месяца даже со второго этажа спуститься не могла. А теперь — вон, смотрите, как бегают.

— Алеша, когда к нам пришел, был ежик ежилом, а теперь вон как звенит.

— Что значит «ежилом»?

— Ежиками в наших учреждениях называют детей замкнутых и очень агрессивных, — поясняет Елена Туржан. — Как правило, если ребенок попал к нам в более-менее осмысленном возрасте в результате лишения его родителей прав, он стопроцентный ежик. Потом некоторые оттаивают, а некоторые нет. Но в семьях колючки сбрасывают все — в этом мы уже убедились.

— Мы именно и хотели взять самых трудных детей, — продолжает Анна. — Мы с мужем давно и последовательно к этому шли. У нашей родной дочери поначалу были некоторые сомнения, но потом она нас поддержала.

— А какие у нее были сомнения? Наверное, насчет наследственности?

— И по этой части тоже, — кивает Анна. — Но на самом деле практика показывает, что опасения насчет генетики детдомовских детей очень сильно преувеличены. Ведь нет гена проституции, или гена воровства, или гена лжи. Есть некоторые черты характера, которые при определенных обстоятельствах могут способствовать развитию этих пороков. Надо просто не допускать этих обстоятельств, и все будет в порядке. Любовь сильнее генетики. Этому нас еще в школе приемных родителей учили. Гораздо сложнее справиться с теми проблемами, которые засели в ребенке в результате его маленького, но уже очень прочного опыта.

— Например?

— Главная проблема — это «расстройство привязанности». Для детей из детдома, особенно если они никогда

не знали своих биологических родителей, кто дали конфетку — те и мама с папой. А через минуту его угостит другой человек — и он станет папой. Леша, например, на Новый год за подарок продал нас с потрохами. Чтобы сформировать у такого ребенка привязанность к себе, нужно иметь очень сильную любовь и ангельское терпение. Одеть, обуть, накормить и даже вылечить — это ерунда. Главное — добиться, чтобы у ребенка загорелись глаза, чтобы он стал скучать по вам, когда вы уходите из дома по делам. Если это произошло, значит, вы победили: этот ребенок стал по-настоящему вашим. Пройдет еще год, и он даже внешне начнет походить на своих новых родителей, вот увидите.

— А вы этого уже достигли?

Вместо ответа Анна позвала своего приемного сына:

— Леша, что тебе подарить на день рождения?

— Ничего не надо, мама...

— Почему?

— Потому что у меня есть ты!

«Синдром второго урожая»

Бывший директор Брюховецкого дома-интерната Елена Туржан сейчас уверена, что с детьми-сиротами иначе и быть не могло. Ей трудно поверить, что еще в 1995 году 98% жителей Краснодарского края на вопрос социологов, где будет лучше сироте — в приемной семье или в детдоме, отвечали: «В детдоме!»

— Это, видимо, было какое-то временное помутнение рассудка, — предполагает Елена Борисовна. — Ведь у нас на Кубани во все времена чужих детей не было. Как на Кавказе. Я раньше работала в хуторской школе, так меня до сих пор, когда знакомые видят, спрашивают: «Ну, как там наши дети?» — имея в виду не своих родных, а хуторских детей. Я уверена, что теперь в крае детским домам конец. Всех детей растащат. Наш дом уже закрывают, а люди мне все звонят: «Слышь, Борисовна, я тоже хочу ребенка взять. Вон Скрыль берет двоих, а я что, хуже нее, что ли?!»

Скрыль Галина Алексеевна — бывший техник по искусственному осеменению. И ей, и ее мужу уже пятый десяток, дети разъехались учиться, внуков пока нет и еще неизвестно, будут ли, огромный дом пустует — короче, тоска.

— Обычно в этом возрасте собак и кошек заводят, — говорят Скрыли. — А мы решили: что за варварство — свою любовь в собаку вкладывать, если можно ее вложить в ребенка. У нас ведь еще родительский пыл не растрачен. Наоборот, только сейчас он по-настоящему созрел. Вот мы и решили взять двоих пацанов — 10 и 13 лет, Игоря и Артема. Как раз через 7–8 лет поставим их на ноги, а там, даст бог, и свои внуки пойдут.

— Это, кстати, у нас очень распространенное явление, — говорит бывший психолог интерната Ирина Куликова. — Каждый второй из кандидатов в приемные родители — человек в возрасте между сорока и пятьюдесятью. Я бы назвала это явление «синдром второго урожая». Свои дети вырастают — и что дальше? В старину в это время у родителей уже внуки появлялись, а сейчас принято рожать позже, поэтому зависает пауза. И с нашей помощью люди просто находят, чем ее заполнить.

Еще одна распространенная проблема, которая решается при помощи приемных детей, — это «опоздание на автобус, который везет в роддом». Во времена перемен, которые лишь недавно закончились, рожать многие опасались. На Кубани, как и по всей стране, сотни тысяч женщин ждали лучших времен, а когда они наступили, оказалось, что уже поздно. Кто-то успел родить двух, кто-то одного, кто-то вообще не успел. А тут — по телевизору реклама, в поликлиниках плакаты: «Приходите в школу приемных родителей». Вот и идут.

«Прощай, Маугли!»

«Жили на свете две женщины, которые друг друга не знали.

Одну ты не помнишь, другую называешь мамой.

Две разные женщины, создавшие твою жизнь.

Одна стала твоей путеводной звездой, другая твоим солнцем.

Первая женщина дала тебе жизнь, а вторая учила, как ее прожить.

Первая дала тебе желание быть любимым, а вторая подарила тебе любовь.

Одна дала тебе национальность, другая дала тебе имя.

*Одна подарила тебе талант, другая дала тебе цель.
Одна подарила тебе чувства, другая умиротворила твои страхи.
Одна видела твою улыбку при рождении, другая осушила твои слезы.
Одна не смогла предоставить тебе дом, другая молила о ребенке, и бог услышал ее.
И сейчас ты задаешь мне сквозь слезы вопрос, на который еще никто не нашел ответ: чей я плод?..»*

Алина Линник не успевает дочитать мне этот текст, написанный однажды в Америке такой же приемной мамой, как она сама. Илюша вырывает из ее рук листок бумаги и весело убегает в другую комнату. Но даже если бы он этого не сделал, Алина не смогла бы прочитать последнюю строчку: «Ничей, дорогой мой, ничей! Просто две разные любви».

— В школе приемных родителей нам говорят, что какие бы ни были у ребенка биологические мать и отец, ни в коем случае нельзя отзываться о них плохо: это пагубно скажется на развитии ребенка, — говорит Алина. — Но если бы вы знали, как это тяжело. Если американские приемные родители способны на это, значит, они действительно намного мужественней нас.

Сейчас Илье четыре года, а когда было два с половиной, он страдал синдромом Маугли: он не умел не только говорить, но и произносить человеческие звуки.

— Как только мы с мужем вошли в детский дом, я увидела его лицо — и все. Мой! Через полчаса я узнала от директора, что у Ильи онкология, гепатит, закрытая форма туберкулеза и родители-наркоманы, которые сидят в тюрьме. Но я уже не могла отказаться.

За полтора года онкологию ребенку удалось удачно прооперировать, синдром Маугли исчез — как не бывало, с гепатитом и туберкулезом уже ничего не сделаешь, но врачи говорят, что с ними можно жить. Осталось самое трудное: объяснить ребенку, что его биологические родители тоже люди.

— В конце концов, они его родили, — говорит Алина, но голос ее звучит неуверенно. — Спасибо им хотя бы за это.

Алина уходит в другую комнату кормить грудью ребенка. Родного. Всего у них с мужем уже шестеро. Сначала было двое своих. Потом врачи сказали, что больше детей у них не будет, и назвали диагноз, при котором это действительно невозможно. Тогда они взяли из детдома Илюшу, а через год у работников женской консультации полезли глаза на лоб: Алина беременна. Тогда Линники в знак благодарности взяли из детдома еще двоих детей.

— В знак благодарности кому? — спрашиваю я Алину.

Она только разводит руками и показывает пальцем куда-то вверх. Я не удивляюсь. За эти дни я побывал в четырнадцати семьях с чужими детьми и еще не видел ни одной, где не было бы места чуду.

Автор: Дмитрий Соколов-Митрич © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 1725 25.12.2008, 15:09 👤 160
URL: <https://babr24.com/?ADE=49624> Bytes: 26264 / 26178 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)